

ЕВГЕНИЙ КОСЕНКОВ

Воин ПрАви

Евгений Косенков

Воин ПрАви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39826002

ISBN 9785449397669

Аннотация

Одна из первых моих работ. Герой Куликовской битвы становится легендарным воином ПрАви, о котором слышат и передают из уст в уста, но не знают, что порой он находится с ними рядом. Он трижды приходит на землю, чтобы трижды погибнуть. Воин Дмитрия Донского, сотрудник НКВД и офицер российского спецназа – это один и тот же человек.

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
ДОРОГА СУДЬБЫ	6
ДМИТРИЙ ВАЛУЙ	11
НА ДОНУ	15
КОМА	20
НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ	24
ДНЕВНИКИ СМЕРТИ	30
ИЗ НАВИ В ЯВЬ	34
ИСКАТЕЛИ КЛАДОВ	39
АНЮТА	44
ВТОРОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ	50
ВОСКРЕСШИЙ ИЗ МЕРТВЫХ	57
ПОЕДИНОК	62
СТЕЗЯ	67
ОХОТНИКИ ЗА УДАЧЕЙ	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Воин ПраВи

Евгений Косенков

© Евгений Косенков, 2018

ISBN 978-5-4493-9766-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

*Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...*

*Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.*

*И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!*
А. Блок

ДОРОГА СУДЬБЫ

Зима в этом году опять не хотела уходить. После оттепели метель и холод напомнили о снежных и морозных днях. Страшный гололед напугал автолюбителей, а начавшие оттаивать деревья вновь облачились в серебряные кафтаны да сарафаны, да поближе прижались друг к дружке. «Эх!» – словно воскликнула зима – Где мои сани расписные и тройка залетная? Просвистим-ка по белу свету напоследок, вернем наши февральские дни украденные, погуляем, попляшем. А затем отправимся на родину, на север, в Гиперборею, откуда и я родом и все людишки – человеки. Эй! Скачите, летите родные, бейте копытами! Добавьте холодку!

Дмитрий погасил сигарету и, кутаясь в отцову шубу, пошел в дом. Лариса Дмитриевна, его мать, седовласая, с глубокими морщинами на лице, хлопотала у раскаленной плиты русской печи.

– Видал, что творится? – раздался голос отца из комнаты. – Куда поедешь? Ничего не видать, да гололед. Не ровен час, как...

– Ну, что ты будешь делать! – всплеснула руками мать. – Сколь не говори, все свое талдычит.

Она перекрестилась.

– Ладно, старуха. Только Димку все равно нельзя отпус-

кать.

– Бать, мне к семи на работу.

– Позвони, подменись, скажи, что не сможешь приехать.

– Бать, ты как маленький, я обещал людям, что буду в семь, а свое слово я держу. Не этому ли ты учил?

– Но позвонить?

– Кому, бать? Кому? Это моя находка. Понимаешь?

– Все я понимаю, – он, наконец, вышел на кухню, с трудом опираясь на трость. – Только боюсь я.

Дмитрий взглянул в помутневшие с годами стариковские глаза. В них и правда чувствовалась неподдельная тревога.

– От судьбы не уйдешь.

– Это верно, сын, верно. – он обреченно опустился на табурет.

– Старый, чего это ты? – заволновалась мать. – Ни с того, ни с сего и выдал.

– Батя! Мамуля! Успокойтесь! Словно в первый раз провожаете. Ну?!

Дмитрий обнял родителей. Сердце защемило, на глаза набежали слезы.

– Через недельку заеду.

Лариса Дмитриевна быстро собрала гостинчик невестке.

– Это Аннушке, пусть не серчает за прошлое, приезжайте вместе.

– Хорошо, мам. Ну, пора, а то ехать придется часов пять – шесть, а то и более по такой дороге.

– Давай, сыну. Прости, если что.

– Бать, все будет в норме. Счастливо.

Пока прогревалась машина, Дмитрий смотрел на окна родительского дома и думал о том, как быстро пролетели детство и юность. Давно ли бегал с девчонками на танцы, играл с приятелями в футбол, целовался с любимой девушкой.

«Интересно, а где сейчас Ольга? Как сложилась ее судьба? Мы много времени проводили вдвоем и никак не могли наскучить друг другу. Я был от нее без ума. Где ты любовь моей далекой юности? Ау? Отзовись!»

В это время комок снега ударился в лобовое стекло, заставив Дмитрия выйти из раздумий. Он мотнул головой. Вокруг никого не было.

– Черт, словно из прошлой жизни воспоминания, но до чего приятны!

Дорога была скользкой, ровной и блестящей, словно лакированная столешница. Даже шипы на колесах не давали полной уверенности в безопасности. Дмитрий был максимально собран и сосредоточен. Темная полоса дороги освещалась лишь фарами его «Жигулей». Встречные авто попадались редко. Ночная трасса, одетая в гололед, постоянно держала в напряжении. Дмитрий не любил ездить медленно, но сегодня играть в «догонялки» с ветром было опасно.

Вдруг что-то похожее на лежащего человека мелькнуло справа, у самого края дороги. Дмитрий остановился, и почувствовав опасность достал монтировку. Немного погодя

вышел из машины. Ветер продолжал завывать, свистеть, бросаясь снежными липкими хлопьями, качал многолетние тополя, те стонали и кряхтели, навевая тревогу.

Дмитрий нагнулся и щелкнул зажигалкой. Вглядевшись, передернулся. Растрепанный, сильно обгорелый пуховик сохранял запах жженных перьев, и видимо, еще и тлел. Он осторожно стянул его и увидел молодую девушку с грязным лицом, перепутанными волосами, ее колотило от холода. В машине было достаточно тепло, и Дмитрий выбросил остатки тлевшего пуховика, который явно был не ее размера. Осмотрев раны и ссадины на девушке, не обнаружил ничего серьезного, по крайней мере, на первый взгляд, аккуратно уложил на заднем сиденье.

Любопытство заставило вернуться его обратно к месту находки. Поодаль, в кювете, Дмитрий обнаружил останки полностью сгоревшей легковой машины.

– Ничего себе, картинка.

Дмитрий, подобрав спутницу, поехал быстрее, требовалось скорее добраться до больницы. Чувство страха притупилось. Да и до города оставалось совсем немного.

Яркий свет внезапно ослепил Дмитрия. Угодив колесом на невидимое препятствие, машина резко подпрыгнула. Дмитрий от неожиданности выпустил руль, и неуправляемый автомобиль швырнуло в сторону, а затем перевернуло вверх колесами. Заскрежетала сминаемая крыша кабины, крошевом брызнули разбитые стекла... раздался удар, и все

СТИХЛО...

ДМИТРИЙ ВАЛУЙ

Жизнь человека – постоянное испытание. А для настоящих воинов – сложный и запутанный путь, который называется Стезей ПрАви. И не каждый в состоянии пройти его, долгий или короткий он будет. Все окружающее не вечно, а душа бессмертна. «Мы... имеем жизнь вечную, и мы должны радеть о вечном, потому что земное против него – ничто. Мы сами на Земле, как искра, и потому можем сгинуть во тьме, будто не было нас никогда»

Конское ржание, треск костров, приглушенные голоса и бряцание оружия доносился до слуха Дмитрия. Он смотрел в догорающий костер и словно жил завтрашним днем. Вся его жизнь – путь воина. Битвы, кровь, смерть стали неотъемлемой частью его пути. Путь воина – путь ПрАви.

Старинный род царей (на степном языке – ханов) пошатнулся, но митрополит Алексей сумел удержать власть и поставить на ноги малолетнего Дмитрия. Великий князь Дмитрий Иванович уже в юности мирскими и военными делами. Главной задачей было удержать власть в своих руках. Распадающееся на мелкие части царство требовало жестких мер и твердой руки. Это сильно не нравилось сыну последнего московского тысяцкого, который очень хотел занять место отца и возглавить войско русское. Литовский князь Ольгерд не желал усиления Москвы и потому истерзал свои-

ми разбойничьими набегами рубежи северо-восточных русских княжеств, оказавшихся под рукой Дмитрия Ивановича, на языке степняков – Тохтамыша. Бесчисленные войны и умное ведение внутренних и внешних дел укрепили дух и силу князей и воинов русского царя, великого князя всея Руси. Мамай, он же Иван Вельяминов, решил стать царем, поднял восстание и повел войска от границ государства на столицу. Он знал, что хорошо обученные воины легко справятся с ополчением и дружинами князей. Но твердой веры в победу не было. Жажда власти не давала покоя. И вот оно – Куликово поле, место возможной славной будущей победы...

– О чем думка твоя, Валуй? – Дмитрий поднял голову, глянул в сторону говорившего.

– Знаешь, Игнат, не по себе как-то. Все удельные князья отказались от участия в битве. Остались только те, у кого уделов нет. Ну, два Ольгердовича еще. Этого мало. У Мамаю воинов много больше. Все они прошли через столько сражений, что нам и не снилось. С кем-то из них ещё вчера стоял плечо к плечу. Помогали друг другу в бою, а теперь что? Вчера сражались с противниками империи, а сегодня воины одной империи делят землю между собой!

– Таков удел многих земель, объединившихся в результате войн, – Игнат помолчал. – Великий князь собрал всех воров и разбойников, даровал свободу и прощение от их старых грехов. Так что и нас в числе прибавилось.

– Не разделяю твоей радости Игнат. Настоящих воинов

все равно мало. Тем более против конницы. Хазары с самого детства учатся военному делу и равным – им нет.

– Господь поможет, Валуй, не переживай. Смерть есть новое рождение. А хазары есть у них и у нас.

Чем дольше Дмитрий смотрел в костер, тем сильнее щемило сердце. В Костроме осталась любимая, Анастасия, потерявшая отца и брата несколько лет назад. В детстве они часто сидели на крутом берегу Великой Ра-реки и мечтали о будущем. Там, отроками, пообещали друг другу, что ничто и никогда не сможет их разлучить в этой жизни, кроме смерти. Теперь это казалось больше сказкой, чем частью его жизни

Он оглянулся на звук.

– Не спишь, воин?

– Не сплю, княже. Не спится совсем.

– То и понятно, – князь Владимир Андреевич Серпуховской присел рядом. – Я говорил с великим князем, пытался выпросить тебя в мой полк. Пойдешь?

Дмитрий выдержал испытывающий взгляд князя.

– А чего ж не пойти? – глядя прямо в глаза, ответил он. – Только, что это за полк такой? В сече ему место будет?

– Будет. А полк должен будет решить исход битвы. Если согласен, то бери коня, доспехи и пошли со мной.

Войско спало. Лишь время от времени окликали друг друга караульные, да фыркали кони.

– Полк у нас около сотни конников, но все хорошие на-

ездники и умелые рубаки. – Владимир Андреевич шел рядом, слегка придерживая приспособленный к золотому поясу меч. – Таких воинов, умеющих владеть оружием обеими руками одинаково, у нас мало. Раньше, старики бают, многие владели этим искусством, но другие пришли времена, выродились великие воины. Вот и на месте, располагайся. Завтра будем переправляться за Дон, трудный и жаркий предстоит денек. Разбойнички наши ходили до Мамаю, он уже рядом. А потому следует оказаться на том берегу первыми. Постарайся немного поспать, силенка понадобится.

Князь ушел. Дмитрий подложил под голову седло и лег на пожухлую траву. Ущербная луна, мерцающие звезды и образ Насти на фоне темнеющего свода казались далекими и не достигаемыми...

НА ДОНУ

Дмитрий приоткрыл глаза и сквозь постепенно рассеивающуюся туманную дымку разглядел склонившуюся к нему женщину.

– Димочка, Димуля! Слава Богу! – всплеснула руками молодая женщина.

Он в недоумении смотрел по сторонам и никак не мог сосредоточиться.

– Где я?

– В больнице, милый, в больнице. Почти месяц. Главное – жив!

Женщина плакала над ним, а он смотрел на нее и не мог ничего вспомнить.

– Я ранен?

– Ты разбился на машине.

– Разбился?

– Это чудо, что остался жив.

– А войска переправились?

– Войска? – женщина недоуменно посмотрела на него и вдруг перестала плакать. – Какие войска?

– Великого князя. Я должен быть там. Не дело воину валяться на постели, когда гибнут братья. Настюша, где мои доспехи?

– Что с тобой? – опешила она и чуть не упала, попятившись от кровати.

Дмитрий попытался вскочить, но в глазах потемнело, и он упал рядом с кроватью.

Густой туман висел над Доном. Больше слышалось, что здесь собралось огромное войско, потому как увидеть этого было невозможно. Отовсюду доносился звон оружия, крики, команды, ржание лошадей. Степь ожила для того, чтобы встретить смерть на кровавом сентябрьском пиру.

Дмитрий зачерпнул шеломом воду и сделал несколько глотков. Кто-то рядом прошептал, что отряд выдвигается к месту битвы.

Двигались недолго. Миновали переправу и вскоре углубились в дубраву.

– Стоять здесь. Быть готовыми к атаке, – донеслась до уха переданная по рядам команда.

Дмитрий спешил.

Рядом расположился воин в легких доспехах, с жиденькой кучерявой бородкой на лице. Маленькие острые глазки смотрели из-под шапки – колпака.

– Дюже сильный туман ныне. Темник, небось, уже рядом и полки готовит. Но дело ли это, русам воевать с русами? Неужели Вышний допустит бойню?

– А ты, никак, не хочешь биться?

– Кто меня спрашивает, хочу али нет? Я – воин, а дело

воина есть сеча.

– Как тебя зовут?

– Надо ли тебе знать мое имя? Услышишь и забудешь.

– Скажи.

– Экий настырный. Я смотрю ты не нашенский. Дмитриев?

– Валуй. Не слыхал?

– Слыхал, князь, слыхал. А меня Витимиром кличут.

В народе просто Гологолем.

– Глаголешь много?

– Есть такое, князь. Зато ты, насколько знаю, молчун. Оттого ли Валуюем – валуном величают?

– Оттого, Витимир, оттого.

– Чтой-то ты не весел, князь. Никак битва тоже не по душе?

– Верно, не по душе. Но я, как и ты, воин. Негоже менять царя древнего рода на военачальника, который в гражданских делах ничего не понимает. Мы и так растеряли столько земель, что прадеды вряд ли простили бы.

– Но... великий князь слаб духом.

– Это не тебе судить.

– Остынь, князь, раньше я купцом был, торговал в Суроже, общался с греками и многими родами русскими. Так что, поверь, толк в людях и товарах я знаю. Слаб Димитрий. Если бы не митрополит, не быть ему над ордой ханом. Повезло, что Волынец и Ольгердовичи нуждались в дружбе и деньгах,

иначе, стоял бы великий князь со своими малыми дружинами где-нибудь в Ярославле и ждал бы осады. А то и пуще того, сдался бы на милость победителя.

– Я смотрю в военном деле ты хорошо разбираешься, – с иронией произнес Дмитрий.

– А то, как же? Купец в Суроже должен быть готов и к этому. Балуют греки, – не понял иронии товарища Витимир.

Среди воинов началось движение.

– Никак солнце пробивается.

– Уходит туман, – Витимир положил руку на рукоять меча. – Великокняжеский стяг в центре Большого полка. Глянь, Передовой полк готов броситься вперед. А где же царские войска?

– Туман медленно, но верно поднимался вверх, словно занавес открывал огромную сцену боевых событий.

– Да ить там вся Русь! – Витимир что-то прошептал, сильно похожее на заклинание. – Фряги тоже там.

Валуй попробовал разглядеть, кто стоит в Передовом полку, но обрывки тумана и ветки ольшаника не давали ему этого сделать

– Откуда ты родом, Витимир?

– Кто его знает. Мой дед, отец, я – купцы. Дом у нас в Суроже. Торговали повсюду, по всей Великой Скифии, бывали в Грецколани. Знаю, что дед мой с Златогорья.

– Где это?

– Меж Рипеев и Читайской землей.

– Далече, – проговорил Валуй и быстро взглянул на собеседника. – А в Костроме бывал?

– Бывал.

– Анастасию, дочь Мороза Храброго знаешь? Сестру Мстислава Кривого?

– Внучку Михаила Держихвата?

– Она самая.

– Знаю. У Михаила часто приходилось останавливаться.

С моим отцом они были очень хорошие друзья.

– Витимир, если меня убьют, то побывай у Анастасии, передай образок, который снимешь с меня. Обещай.

– Брось, князь, авось выберемся. Но в случае чего, сделаю, как ты сказал.

Валуй глянул в глаза купца и дружески с силой сжал плечо.

КОМА

В больничной палате находилось уйма народу в белых халатах.

Аннушка подошла к высокому врачу.

– Доктор, что с ним?

– С Дмитрием? Успокойтесь, это временно. Сейчас он потерял сознание, но скоро очнется. А потеря памяти временная. Опасаться нечего.

В это время медсестра испуганно крикнула:

– Валерий Михалыч!

Она указала на приборы.

Врач подбежал к изголовью, осмотрел больного и резко позвал:

– Василий Иванович! В реанимацию, срочно! Боюсь, что...

Он оглянулся на Анну и замолчал.

Все вокруг деловито засуетились. Дмитрия перегрузили на каталку и увезли.

– Аннушка, что случилось, милая? – Лариса Дмитриевна, мать Димы, широко открытыми глазами смотрела на нее. – Где сын?

– Мама, прошептала Анна и зарыдала на плече старушки.

– Отец не выдержит этого. Единственный сын и... такое несчастье.

– Он жив, его оперируют.

Они долго сидели в больничном коридоре, утешая друг друга.

– Мам, а ведь он приходил в сознание, но даже меня не узнал. Спрашивал про какие-то войска и великого князя.

– Великого князя и войска... Что еще говорил? – насто-
рожилась Лариса Дмитриевна.

– Что не дело воину лежать на постели, когда сражаются
братья.

– Опять.

– Опять?

– Я думала, что все прошло, а оно вернулось.

– Что вернулось?

– Не знаю. Понимаешь. Это трудно объяснить, если вооб-
ще возможно. С чего же начать? Я тогда работала в школе,
преподавала литературу. И вот на одном из уроков мы изу-
чали Блока. Так вот, когда я прочла строки о Куликовом по-
ле, то услышала голос Димы, который сказал на весь класс:
Я там был. Ребята, конечно, стали смеяться, посчитали, что
это его такая шутка. Да только он совсем не шутил. Встал
и совершенно серьезно повторил: Я был там. Представля-
ешь, Ань, что стало со мной. Сначала я тоже хотела переве-
сти в шутку, но он остановил меня, и попросил высказаться.
Такое было редко. Когда Дима вышел к доске, я увидела
у него на лбу испарину. Глаза лихорадочно блестели. И он
сказал:

– Ничего смешного нет, я был там. Я видел, что такое

смерть. Я видел изрубленные тела. Кровь на поле битвы настолько пропитала землю, что куда ни ступи, казалось, она хлюпает под ногами. Смерть летала над полем свистом стрел и звоном мечей...

В это время прозвенел звонок. Потрясенный класс еще несколько минут смотрел на замершего Диму. У него была лихорадка.

– А он сам помнит об этом?

– Смутно. Это ведь только один случай, а их было несколько.

– К врачу обращались?

– Сказали – обычная лихорадка.

– А кто такая Настя, он упоминал ее имя во сне.

– Настя? Какая Настя, о чем ты, Аня?.. Хотя постой... Ах да, Настя!.. Диме тогда было лет одиннадцать-двенадцать. Ночью ему приснился ужасный сон. Такой, что он закричал. Я успокоила его, думала, заснет. А он стал рассказывать, что ему приснилось. Оказывается, что во сне он дружил с девочкой. По его описаниям беловолосая, голубоглазая. Так вот, он сказал, что у нее погиб отец. Весь следующий день он сильно переживал. Ни с кем не разговаривал. Несколько часов подряд что-то писал в своей комнате. Кстати, те дневники сохранились. Нам, с отцом он строго настрого запретил их читать. Но тебе, наверно, можно. Можешь почитать, если интересно.

– Они надолго замолчали, погрузившись в невеселые ду-

мы.

Врач подошел незаметно и без предисловий сказал:

– Дмитрий в коме...

НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Туман понемногу рассеялся. Войска стояли друг против друга. Казалось, что это две огромные тучи, готовые столкнуться между собой и породить гром и молнию. По противоположные стороны поля стояли славянские и тюркские воины. Братья по крови и духу. Потомки самого Ария, воины одного государства, неожиданно оказавшиеся заложниками честолюбивых замыслов.

Мамаево войско состояло из закаленных в битвах воинов, чей жизненный путь есть военное дело. В состав великокняжеских войск входили ополченцы, крестьяне и горожане. Их оружием зачастую были рогатины, дубины, косы. Ко всему этому Дмитрий созвал под свои знамена весь разбойный люд, для которых сражение и нажива были смыслом жизни, обещая прощение и отпущение грехов. Настоящей боевой единицей царского войска являлись дружинники.

Встало солнце над головами, заблестели доспехи. И налет степной ветер, словно в последний раз, пытаясь разрешить спор миром. Склонили головы Дажьбожьи внуки, прося прощения за кровь братскую, что придется им пролить в ковыль-траву. И налетело воронье со всей округи, предчувствуя этот кровавый пир в ясный сентябрьский день.

– Глянь, князь, никак поединщик царский выехал, – Витимир указал на пространство меж войсками. – Где он такую

хрупкую лошаденку нашел? Неужели в броню заковал, чтоб ребра не треснули от такой туши.

Дмитрий согласился.

– Такому равного не найти. От одного толчка можно умереть.

– Наши молчат.

– Еще бы. Кто победит в поединке, на стороне тех и правда.

– Сшиби такого. Скорее копьё тупым концом тебя пронзит, чем острым воткнешь ему в сердце.

– Заволновались ряды. Неужели нет никого, чтоб этого огромного завалить?

– Похоже, князь, правда и без боя на другой стороне поля.

– Теперь уже не время рассуждать, – Дмитрий в одно мгновение вскочил в седло. – Дай копьё.

– Остынь, Валуй, все погубишь, – Владимир Андреевич схватил коня под уздцы. – Если ты выйдешь, мы потеряем внезапность, а так, то и победу. Остынь.

– Князь, иннок выехал.

Все трое пристально разглядывали далекую фигуру всадника в черной схиме.

– Пересвет, – Владимир Андреевич оглянулся в сторону Валуя. – А ты говорил единоборца нет. Есть, и какой! Сам Сергей Радонежский благословил.

Дмитрий спешил и, не отрывая взгляда, наблюдал за развитием событий.

Всадники разъехались, развернулись, подняли копыта и пришпорили коней, которые, что есть духу, рванули навстречу друг другу.

Удар, звон металла и громила выпал из седла. Пересвет повис, обняв шею коня, и затем медленно сполз на землю.

Княжеские полки, куда входили крестьяне, горожане, разбойники со свистом и улюлюканьем ринулись вперед. Два потока столкнулись. Крики, стоны, звон, пыль – все смешалось. Стало жарко даже тем, кто находился в тени дубовой рощи, который лишь наблюдал за ходом сражения. Закованные в доспехи ратники Мамаю, сначала вроде смяли легковооруженных воинов князя, но ненадолго. Часы летели, как минуты. Неимоверная жара и давка уносили жизни больше, чем мечи, стрелы и копыта.

Владимир Серпуховской нервничал, но молча смотрел на поле битвы. Наверно, из всех, кто находился в засаде, лишь один человек не выказал беспокойства. Это был воевода Боброк – Волынский или просто Волынец. Навалившись всем телом на оседланного коня, отрешенно смотрел на битву. Братская кровь пополняла воды стремительного Дона.

Ближе к вечеру конница темника ударила по левому флангу княжеских войск, которые под стремительным натиском стали медленно откатываться к берегам реки. Конные направо и налево рубили пеших прямо пред глазами воинов Засадного полка, среди которых пошел ропот. Князь Владимир подъехал к Волынцу.

– Пора. Если не ударим сейчас, то останется помогать лишь мертвым. – Его глаза яростно сверкали и сверлили вововоду.

– Не время. У Мамаея есть еще резерв, и он его введет в сражение, когда будет уверен в победе. Ударим сейчас, проиграем битву.

Князь Серпуховской уже давно был в седле и не находил себе места. Его рука твердо сжимала рукоять меча, готовая в любой момент выхватить из ножен меч. Казалось, что вся дубовая роща и орешник на опушке шелестели и словно переживали точно так же, как и все воины засадного полка.

И вот пришло время. Боброк вскочил в седло, поднял над головой меч и будто хищная птица с небес набросился на врага. Хитрый прием Чингисхана – внезапность, вновь оправдал себя. Мамаевы конники, предчувствовавшие победу, были смяты, разбиты. И грозным клином разрезали вражеские войска всадники князя. Исход сражения был предрешен.

Валуи в числе первых ворвался в растерявшуюся толпу врага и рубил направо и налево, сек, пластал, сносил головы с плеч. Кровь забрызгивала коня и доспехи, на зубах скрипела пыль.

Всадники еще долго гнали бегущих, кого пленяли, кого убивали, но самого Мамаея так и не настигли.

Когда начали искать великого князя Дмитрия, то в его одеждах у великокняжеского стяга, нашли посеченное те-

ло боярина Бренка. Самого Дмитрия Ивановича не было ни среди живых, ни среди мертвых.

Валу́й отъехал в поисках великого князя в сторону от поля за дубраву. Кто-то видел, как он, раненый, скакал в эту сторону. Осмотрев опушку с орешником, слегка углубился в рощу.

Вдруг тренькнула спущенная тетива, Дмитрий вмиг прижался к шее коня. Стрела вонзилась в дуб на головы всадника. Острый взгляд в одно мгновение уловил четверых пеших воинов. Меч блеснул в руке Валуя и уже один из врагов, упал разрубленным надвое. Вторая стрела нашла цель, вонзилась в грудь меж пластин над самым сердцем. Перехватило дыхание. Дмитрий достал мечом еще одного врага, попав по незащищенной шее. Но тут же прилетели еще две стрелы, ударили в грудь, и вышибли из седла. Валу́й упал на спину и выронил меч.

Откуда-то издали донеслись голоса.

– Готов?

– Вроде готов.

Кто-то склонился и поднес ладонь к губам умирающего.

– Дышит.

– Пущай. Авось выживет. Бери коня. Уходим.

– Дрема-то, живой?

– Какое там. Полшеи перерезал.

Валу́й с трудом приоткрыл глаза и увидел удаляющихся людей и коня, хотел встать, но не смог. Хотел крикнуть,

но голос пропал. А вскоре и силы стали покидать тело...

Дмитрий закрыл глаза, и весь мир завертелся в его сознании, проносясь мимо, как татарская лава в рассыпной атаке. И только образ Насти застыл последней картинкой земного мира.

ДНЕВНИКИ СМЕРТИ

На третий день Лариса Дмитриевна приехала домой поздно вечером. Анна осталась в палате с Димой. В окнах не было света, похоже, муж спал. Она осторожно вошла в дом, удивившись, что дверь не была заперта, и включила свет.

– Иван, – прошептала она. – Что случилось?

Иван Фомич с сильными кровоподтеками, привязанный к стулу веревкой только водил из стороны в сторону глазами.

Она развязала платок, которым был затянут рот мужа, затем веревки, помогла дойти до дивана.

– Что случилось, Ванечка?

Он лишь кивнул ей куда-то за спину.

Лариса Дмитриевна медленно обернулась.

– Где дневники сына, старая?

Молодой, лет двадцати пяти, парень, с блестящим кастетом на руке и продолговатой родинкой под глазом, зло смотрел прямо в глаза.

– Кто вы такой? Что вам здесь надо?

– Не врубаешься, старая? Дневники сына тащи. А то обоих порубаю. Что тарачишься? Не ясно сказано?

– Но зачем они вам?

– Надо, значит.

– Но у него их много.

– Давай все.

Лариса Дмитриевна достала из шкафа толстые исписанные тетради.

– Вот.

Парень схватил их, быстро перелистал их одну за другой.

– Это не те. Где остальные?

– Но больше нет, кроме тех, что у Анны.

– Твою мать, старая! Чего мозги морочила?

Он наотмашь ударил ее кастетом и, захватив все тетради, выбежал из дома.

А уже через пятнадцать минут огонь охватил все близ стоящие постройки. Соседи закидывали дом снегом, заливали водой, но все было тщетно.

Анна сидела недалеко от лежащего в коме Дмитрия и под тусклый свет настольной лампы читала дневники мужа.

«... 11 августа 378 года на берегу Вожи, мы встретили ордынца Бегича с большим войском. Уже тогда великий князь Дмитрий Иванович отказался платить дань в общегосударственную казну, которая находилась в ведении темника Мамая. Потому и пришел Бегич, чтоб указать новое место князя под властью военного хана. И не будь до этого митрополита, а затем неуклонно-твердого Боброка с Владимиром Андреевичем Хоробрым, не управлять Дмитрию северо-восточной Русью. Благодаря им мы стояли тогда на Воже и без страха смотрели на матерых воинов, воевавших и в Азии, и в Европе. В нас горела такая решимость, что даже будь они

сильнее нас раз в десять, мы бы этого не заметили, разгромили и все. Тогда мне было всего двадцать три, но я не был неопытным юнцом. Никакого страха, только жажда битвы. Но Боброк избрал другой ход событий. Когда уставшие стоять без дела рати Бегича, переправились через Вожу, воевода приказал отступать. Откуда могли знать враги, что позади нас стоят отборные конники? Заманивая Бегича вглубь княжества, Боброк, при помощи нашей сотни изматывал противника, держал его в напряжении, создавал мелкие стычки. Как только враг начинал активно нас атаковать, мы отходили. И так почти весь день. К вечеру войска Бегича оказались лицом к лицу с основными силами. Дальше было просто избивание. Братоубийство. Потомки Ария рубили друг друга, словно не одной веры...»

Анна оглянулась на Дмитрия и перевернула сразу несколько страниц.

«...Настю убил Ворота, тот самый, который больше любил золото, чем Родину. Его продолговатая рана под левым глазом, есть след моей стрелы. Он дальний родственник, ставший разбойником только из-за того, что Владимир Андреевич предпочел воеводой в Серпухове меня, а не его. Он сжег палаты моих родителей в Костроме вместе с ними. Он разрубил на части моего брата Огнена. Могу ли я простить ему его злодеяния? Нет, никогда. Только его смерть сможет успокоить мою душу. Потому оставляю все дела в Серпухове, передаю свои поместья племяннику, Андрею, а драгоцен-

ные вещи предаю земле. Место захоронения указано пересеченными мечами».

Далее следовала коряво нарисованная карта, но на ней легко различались названия рек и деревень.

Анне стало жарковато и душно. Она приоткрыла окно и вдохнула свежий весенний воздух. Зачем-то глянула вниз и отшатнулась. Неожиданное чувство тревоги бросило в дрожь. Непонятно откуда перед ней вырос парень в кожаной куртке и вязаной шапочке.

– Здравствуй, красавица. Постарайся быть как можно тише. Не дергайся. Мне от тебя ничего не надо, кроме вот этой маленькой тетрадки. Ну. Дай мне ее сама. Будь умницей.

– Почему я должна отдавать тебе то, что тебе не принадлежит?

– Ах, ах, какие мы все-таки из себя. Сказано давай, значит давай!

– Но это Димина тетрадь.

– Валую она уже вряд ли понадобится.

Анна вдруг увидела продолговатую родинку под левым глазом.

– ВорОта! – неожиданно для себя крикнула она и отшатнулась к подоконнику.

Руки не нашли опоры, провалившись в пустоту, и Анна, страшно закричав, выпала из окна пятого этажа.

ИЗ НАВИ В ЯВЬ

Мелкий дождь барабанил по столу, выбивая странную дробь. В больничной палате пахло лекарствами, и было довольно тихо. Лишь иногда похрапывал сосед слева. Мощный детина с головой как у быка. Панцирная кровать прогнулась под ним до самого пола. Уборщице приходится каждый раз сгонять его с места, чтобы протереть пол под койкой.

Молоденькая медсестра прервала раздумья Дмитрия.

– Не спите? Тогда поворачивайтесь, будем делать укольчик.

– Как вас зовут? – неожиданно спросил он и глянул в серо-зеленые глаза девушки.

Та чуть не выронила шприц.

– Вы говорите?

– А что? Я обезьяна, что ли?

– Нет, но... Настя меня зовут.

– Настя? Вы сказали – Настя? Анастасия?! Настенька, милая, мне надо домой. Где врач? Мне надо, поймите. Очень надо.

Он вскочил и тут же упал. Медсестра помогла прилечь обратно.

– Не спешите. Вы еще не совсем окрепли. Пожалуйста, не вставайте больше.

– Мои родные знают, что я здесь?

– Успокойтесь, не нервничайте. Вам нужен покой.

– Позови врача. Скажи, срочно.

Настя ушла.

«За окном уже лето, а кажется все серым, осенним. Отчего это? В памяти какая-то пустота, словно выжжена огнем. Постой, постой. Машина. Было темно. Гололед. Я оставался и выходил на дорогу. Что же я подбирал? Что-то бесформенное... Не помню. Обрывается как раз там, где начинаю рассматривать. Дальше только вспышка и опять пустота. Соберись и давай еще раз. Подхожу, нагибаюсь и... вспышка, пустота. Еще раз. То же самое».

Дмитрий глубоко вздохнул и с силой сжал кулаки и челюсти.

В это время вошел врач с медсестрой.

– Дмитрий Иванович, как вы себя чувствуете?

– Спасибо, отлично.

– Дайте-ка, пульс пощупаю.

– Знаете что, Егор Александрович, мы с вами знакомы, по земным меркам, уже достаточно. Позвоните моим. Пусть приедут или лучше отпустите меня. Я доеду. Самочувствие отменное. Любые горы...

– Не волнуйтесь, Дмитрий. Настя, сделай, что просил. Понимаете... Как же это сказать?

– Говорите, как есть, – насторожился Валуйев, и его глаза словно затвердели и стали колючими со свинцовым тяжелым оттенком.

Врач, встретившись с его взглядом, отшатнулся. По лицу пробежал испуг. В один миг он стал совершенно бледным.

– Мои родители погибли?

– Откуда узнали?

– Я знаю.

Медсестра принесла успокоительное и застыла, увидев неожиданную картину.

– Настя, дай доктору, пусть выпьет и успокоится.

Егор Александрович выхватил стаканчик из рук медсестры и проглотил залпом содержимое.

– Мне нужно домой, Саныч, помоги. Чем быстрее, тем лучше.

– Да, конечно. Настя, приготовьте вещи, я оформлю бумаги. Про Анну тоже?

– Значит и Анну. Все повторяется.

Врач вышел из палаты. Медсестра пошла следом.

– Настя, вы когда-нибудь жили в Костроме?

– В Костроме?

– Извините, я не знаю, откуда это, но чувствую что-то загадочное. Трудно объяснить, но если разгадаю, то пойму, что же со мной случилось.

– Я никогда не жила в Костроме. И даже родственников там нет.

Она пожала плечами и вышла.

Дождь не переставал. Дмитрий закутался явно не в свой

плащ. Возможно, врач отдал свой.

Валуев шел по улицам города, слегка прихрамывая, и вглядывался в прохожих. Он ощущал некую оторванность от всей этой суеты и шумихи. В его груди горела жажда мести. Мести, смысл которой он никак не мог понять. В городском парке было совершенно пусто. Сев на мокрую скамейку, подставил лицо под дождь.

«Надо идти домой. Домой? У меня есть дом? Конечно, есть. Только это не Кострома. Подожди, какая Кострома? Бред какой-то. В памяти постоянно всплывает эта самая Кострома.... А Настя? Кто такая Настя? Мою жену зовут, звали, Анна, Анюта. Мою жену? Я женат! Был женат. Надо идти до дома».

Валуев встал и пошел, но куда, в какую сторону, он совершенно не имел понятия.

«Вспышка. Что же было до нее? Что? Вспомню это, возможно, вспомню все. Постой, а адрес дома должен быть в паспорте. Так и есть. Отлично. Это недалеко отсюда».

Дмитрий поднялся на второй этаж и позвонил. Никто не ответил. Когда открыл дверь, пахнуло родным и знакомым, только одно смутило его. Похоже, что здесь давно никого не было. Не спеша, прошел по комнатам, огляделся и понял, что здесь все умерло. И умерло после той вспышки.

Дмитрий бесцельно ходил по квартире, останавливался, трогал различные вещи, снова шел из комнаты в комнату и пожирал полными от слез глазами то, что напоминало

о прежней и недавней жизни. Свадебная фотография с улыбающейся Анной, рядом фото родителей. Дмитрий провел пальцем по волосам жены, затем матери и аккуратно перевернул их лицами вниз.

– Я найду тебя, Ворота. Теперь я вспомнил почти все. Я найду тебя, чтобы мне это не стоило. Хотя, скорее всего, ты сам придешь ко мне в руки. Я забираю свое прощение и жалею, что не убил тебя, когда это было возможно. Но теперь я отомщу, и отомщу за всех убитых и обиженных тобой. Я – воин Пути ПрАви. Наверняка, держишь в руках карту и уже мечтаешь о кладе, который схоронен в земле 600 лет назад. Только ты не можешь знать, что там. А потому получишь то, что заслужил. Бойся же, каждого дуновения ветерка, каждого шелеста листа, каждого шума. Я теперь и рысь, и ворон, и лиса, и лев. А ты – жертва. И я иду к тебе.

Валуев резко развернулся и вышел из квартиры.

Когда он шел по ночному городу, его сознание просветлело настолько, что он без колебания принимал решения. Он знал, куда и зачем надо идти.

ИСКАТЕЛИ КЛАДОВ

В небольшой комнатке было сильно накурено. Дым плотной пеленой висел над столом, за которым играли в карты трое. Четвертый сидел отдельно, в углу, прислонившись спиной к стене и закрыв глаза.

– Слышь, как там тебя, Ворота? – обратился к нему один из игравших, хитро сощуриив бегающие глазки под седыми, елочкой, бровями. – Ты какой-то не такой, не нашенский. Ни пьешь, ни куришь, в карты не хочешь играть. Вот и подумай, как можно тебе доверять? Сулишь нам золотые горы, а сам себе на уме. Неправильно это.

– А вы тут правильные? – с издевкой спросил Ворота, не открывая глаз.

– Мы – другое дело. Вот нам хотелось бы узнать, откуда ты появился? Ты не местный. Местных мы знаем. Значит за-летный. Такую рожу только в дремучем лесу встретишь.

Все трое засмеялись.

– Ты угадал, холоп. Мой дом – лес. Так было испокон веков. Если бы не Валуи, то кто знает, кем бы я был сейчас. Он перевернул, испоганил всю мою родословную и сейчас, здесь, я затем, чтобы вернуть то, что должно принадлежать мне.

– Нам. Всем нам, – ухмыльнулся седобровый.

– Нет, мне, – твердо произнес Ворота. – Только потом

вам. Если это не будет принадлежать мне, то и вам ничего на достанется.

– Я не понял, – писклявым голосом сказал худой в помятой кепке, надвинутой на самые глаза. – Ты хочешь нас кинуть? Да ведь я тебя...

– Охолонь, – грозно стукнул кулаком по столу седобровый. – Скажи, Ворота, я правильно тебя понял? Ты нас решил кинуть?

– А нафига мне такие подельники? – он вскочил на ноги, сунув руки в карманы брюк. – Ведь вам ничего доверить нельзя. Вот ты. Зачем рассказал тому, большеголовому, на рынке, куда мы едем?

– Брательник никак.

– Он тебя первым и сдаст за прибыль. А ты, Пискля, вчера нажрался и весь квартал знает, что ты искатель кладов. Из вас троих один Лесопилка держит язык за зубами.

– Так ить, он немой, – пробормотал Пискля и оглянулся на седобрового. – Он за нами следит?

– Верно. Откуда ты все о нас знаешь?

– Какая разница.

– Большая! Но черт с этим. Пока у тебя не было карты, как мы могли тебе поверить? Ведь звучит глупо. Мы едем искать клад четвертого века.

– Вы со мной или нет?

– Слушай, Ворота, – седобровый отбросил карты и закурил по новой. – У нас есть план местности, где черным по бе-

лому отмечено место клада. Вопрос простой. Зачем нам нужен ты? Из-за твоей морды нас скрутят на первой же станции. Давай разойдемся по-хорошему. Ты нам обещаешь, что ни на что не претендуешь, а мы тебе дарим жизнь. Идет?

– Куда гребешь, лодочник? – усмехнулся ВорОта.

– Это видел? – седобровый положил перед собой пистолет. – Аккуратно я у тебя вынул?

Он с довольной улыбкой оглядел всех.

– Что такое пистолет без пуль? А вот нож, ему пули не нужны. Он сам – пуля!

Неожиданно крикнул ВорОта и седобровый, держась одной рукой за горло, куда воткнулся нож, а другой словно ища опоры позади себя, повалился назад.

– Неповиновения не люблю.

Пискля и Лесопилка молча переглянулись.

– Без меня, даже с этой картой, вам никогда не отыскать клада. Здесь старая топонимика конца 14 века, по-вашему. По-нашему – 4 века. И кто вам всю историю искромсал?

– Ты, правда, ну, из леса? – Пискля боязливо смотрел на ВорОту.

– Из леса. Разбойник я. Промышлял грабежом. Вот только не в этой жизни.

– А в какой?

– Я из того самого четвертого века.

– Ты должен умереть давно!

ВорОта засмеялся.

– Я умер тогда же, в конце своего века. А то, что стою сейчас перед вами, так это просто. Многие, как вы, не помните, жили вы раньше или нет. А у меня осталось незавершенное дело. Потому и помню все, что было в прошлой жизни. Появился Валуй, значит появился и я. Мы взаимосвязаны.

Он взглянул на часы.

– Нам пора.

– А что с ним? – спросил Пискаля, кивнув на убитого.

– Столкни в подпол и все дела.

Подельники вышли из электропоезда за одну остановку до конечной. Полная луна освещала дорогу. Почва была влажной, местами скользкой. Ворота сам точно не знал, что за место указано на карте. Но решил сориентироваться на месте.

– Долго идти? – не выдержал Пискаля.

– Долго, – буркнул Ворота. А пока заночуем вон в том овражке.

Он давно чувствовал опасность, но откуда она исходила, пока еще не знал. Поглядывая, на красные от костра лица спутников, опасности в них не видел.

«Неужели нелепая случайность может перечеркнуть все его планы? Но что это за случайность? Эти двое болванов не опасны, по крайней мере, пока. Кто же еще может вмешаться? Валуй! Только он! Значит, вышел из комы. Жаль, надо было убить там, в больнице. А с другой стороны есть шанс сразиться и убить. Ждать ты меня будешь только у ме-

ста клада. Тем более хорошо. Маячок в данной местности не помешает. Ну, а как встретить тебя, Валуй, надо хорошенько подумать».

Ворота прилег недалеко от костра, спрятав в рукаве метательный нож и подложив пистолет у изголовья.

Над оврагом медленно плыла полная луна со странной и непонятной ухмылкой. Утро было уже недалеко.

АНЮТА

Откуда-то издалека Валуй услышал голоса, которые становились все четче и явственней. Грудь пылала, губы пересохли, сил не было. Он с трудом приоткрыл глаза. Вокруг стоял полумрак. Привыкнув, Дмитрий разглядел маленькую комнатку крестьянской избы. Рядом с ним, на табурете, стояла небольшая бадья с чем-то и деревянный ковш с водой. Руки ослабли настолько, что невозможно было приподнять. Вместо голоса хрип. Он закрыл глаза и опять погрузился в темноту.

Когда снова пришел в себя, то прямо перед собой увидел темные глаза и четко очерченные тоненькие губы. Заметив его пробуждение, девушка отшатнулась, и с силой сжала в руке мокрую тряпку.

Валуй долго и пристально разглядывал темноволосую девушку, а потом тихо прошептал, правда слова получились непонятными, но она их поняла и подала ковш с водой. Одной рукой довольно легко приподняла его, другой приставили питье ко рту.

Сразу стало намного лучше.

– Как зовут тебя, красавица? – тихо спросил Валуй и улыбнулся.

Девушка засмузилась и отошла к выходу.

– Анютой прозвали.

В это время зашел седой, с длинной бородой старик в холщовой рубаше, выпущенной поверх штанов и, зыркнув на девушку, велел уйти.

Затем, не спеша, подставил другой табурет поближе к постели, присел и долго сверлил Валуя колючими изучающими глазами. Дмитрий выдержал испытание.

– Добре, – прошамкал старик. – Чьих будешь, князь? Старых, али новых?

Дмитрий улыбнулся.

– Все-то ты, дед, хочешь узнать сразу. Тебе не все равно?

– Мне все одинаково. Я – волхв, мое дело простое. Поставлю тебя на ноги, а дальше будь, что будет. А какого ты роду-племени мне знать не надо.

– Воин я. Не обижайся, дед.

– Какие обиды? Только крови русской пролито столько, что три дня Дон ей тек. Настали времена, о которых преудреждал дед отца, а отец меня. Не внешние враги, а мы сами погубим. Ты, князь, в отличие от сотен воинов, оставшихся на Кулиговом, родился в рубашке. Стрела-то одна, да вторая, сердце между собой сжали. Чудеса.

– Не время значит, помирать.

– Не время, – хитро сощурился дед. – Сегодня вечером придет Микула, глянет в тебя. Не простой ты воин.

Старик встал.

– Отдыхай.

Валуи закрыл глаза и опять погрузился в темноту. Слов

не было. Очнулся от легкого прикосновения к плечу.

– Дед Микула пришел, – Анюта зарделась, как только Валуей глянул на нее, и тут же убежала.

– Вот и наш воин, Микула. Проходи, там табуреточек у постели.

Микула, с длинной, путаной бородой, видно слеповатый, с гнутой деревянной клюкой, тяжело опустился на табурет.

– Дай руку, – голос был тверд и немного как-то даже вибрировал, что создавало эффект чего-то необычного, что должно было здесь произойти. – Афонька, выйди. Завесь-ка нас и шобы в доме ни души.

– Сделаю, дед Микула. А ну, Анютка, иди животине дай. И ты, баба, что крутишься? Во двор, все во двор.

– Рука воина и мужа. Приблизь лицо.

Дмитрий с трудом приподнялся. Ладонь волхва легла на лоб.

– Путь ПрАви – твой путь. Вышний бережет тебя. Это первое появление на земле, есть подготовка к последующим. Ты – хранитель Вед. Следующая твоя дорога – знание. Путь воина позади. Ты придешь после смерти, чтобы спасти веру. Ни один, ни два, а три раза. Люди, которых ты не убьешь, а простишь, все равно предадут тебя. Ничто не может остановить пролитие крови, и заря будет вечно алеть на горизонте, пропитанное кровавой сурьей последних хранителей. И будут люди робкими, как зайцы, управлять людьми, но бояться за них заступиться. И будет мрак, и древние знаки под-

нимутся над миром и два народа, потомки Ария, сойдутся между собой. И солнце отразит атаку луны, но смерть будет царить на земле. Славянская кровь пропитает почву и напитает реки. Но ты будешь хранителем истинной древней веры. Карающий меч будет уничтожать все в округе, но ты будешь хранителем веры. И когда твой враг, минуя века, воскреснет, ты защитишь веру. Все, я устал. Остальное может быть, и узнаешь, потом.

Он тяжело поднялся и, шаркая ногами, стуча клюкой о пол, ушел.

Дмитрий выпил воды. Весь мокрый, ничего не понявший, прислонился к стене. Грудь ужасно болела.

Вошла Аня.

– Вот свежий отвар, матушка приготовила, – проговорила она, опустив глаза.

Дмитрий нарочито медленно опростал кружку, подглядывая за девушкой.

– Скажи, где я сейчас? В деревне? Далеко ли отсюда Кострома?

– Нет, не далече. Но батюшка велел не говорить.

– А кто ж меня нашел?

– Я и нашла, с Полканом, пес наш. Батюшка велел всех убитых и раненых, что остались в лесах, собрать. Мертвых схоронить, раненым помочь.

– И много раненых?

– Это батюшка тоже не велел говорить.

– Ну и скрытный у тебя батюшка!

– Нет, он осторожный. Он заботится обо всей деревне.

– А скажи. Благоверный князь Дмитрий Иванович Владимирский и Московский жив?

– Живой. Говорят, что нашли его на опушке в одеянии простого воина, раненого, но живого.

– А что ты еще слышала?

– Много чего. То, что князь побоялся умирать и под стяг, в своих одеждах, поставил любимого боярина.

– Слухи!

Анюта пожала плечами.

– А Мамай жив?

– Говорят, что жив.

– Анюта, а кто он вообще, этот дед Микула?

– Волхв.

– И то, что он говорит, сбывается?

– Всегда.

– Скажи батюшке, что мне надо ехать.

– Нельзя, еще рано.

– Мне надо. И так целых три дня здесь.

– Три месяца.

– Сколько? – удивлению Дмитрия не было предела.

– Ваша светлость долго лежали в беспомощности.

– Тогда тем более. Мои доспехи и оружие, одежды, где?

– Я схожу до батюшки. Без его разрешения нельзя.

Анюта ушла.

Валуй устало закрыл глаза и через некоторое время провалился в глубокий сон.

ВТОРОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

Он шел по пустому коридору, в котором гулко звучали шаги. Новенькая форма лейтенанта еще была непривычна, но похрустывание ремней вселяли гордость и уверенность. В конце коридора находилась дверь, в которую Дмитрий постучался, и, получив разрешение, вошел.

– Лейтенант Валуев после окончания училища красных командиров прибыл для прохождения дальнейшей службы.

Лысоватый полковник мрачно поднял голову и кивнул на стул

Дмитрий присел.

– Вот, – полковник отодвинул папку. – Изучаю ваше личное дело. Только бумаги бумагами. Живое общение помогает мне понять человека изнутри, каким бы он скрытным и хитрым не был. Вы в партии?

– Член ВЛКСМ.

– Русский?

– Так точно.

– У вас написано – берендей.

– Это такой древний род. Род царя Берендея. По всем документам я – русский.

– Вслушайтесь, что вы сказали. Род царя! Да за одно это, можно ставить к стенке. Хорошо, что я знаю, кто такие берендеи. Другой на моем месте счел бы вас классовым врагом.

– Виноват, товарищ полковник, – вскочил с места Дмитрий.

– Садитесь. Откуда родом?

– Костромской.

– Вы один из лучших из вашего выпуска, – полковник закурил и встал из-за стола. – Нам нужны сейчас честные, чистые и головастые люди. Но не только. Кто вы и что собой представляете, я уже знаю. Есть только одно «но».

Он начал ходить по всему кабинету, держа одну руку в кармане галифе.

– Насколько я осведомлен, ваши родители живут в деревне на Волге и занимаются сельским хозяйством. Почему вы выбрали путь военного?

– Я – воин. И никакого другого пути у меня нет.

Полковник вдруг остановился.

– Воин. И придет воин, чья рука тверда и мысли чисты. И придет воин праведной веры и да устоит земля и продолжится истинная вера из поколения в поколение.

Дмитрий удивленно взглянул на полковника.

– Лейтенант, какую религию предпочитаешь? Ислам, православие, иудаизм?

– Никакую.

– А как насчет славянского везизма?

– Что это?

– Забудем. Хотя, ты прекрасно меня понял. Не так ли? Ну, да ладно. Значит так, завтра приступай к работе. Ты в группе

майора Чернова. Работа у вас сложная, большей частью секретная, но очень важная. Впрочем, все поймешь сам. Желаю успеха.

Полгода пролетели совершенно незаметно. Дмитрий переписывал бумаги, разносил по штабу письма и распоряжения, в общем, выполнял почтово-секретарскую работу. И это уже давно надоело. Вдруг майор Чернов окликнул его.

– Лейтенант Валуев за мной, на выезд. Проверь пистолет.

Дмитрий на ходу проверил оружие и нырнул в черную легковушку. В ней, кроме водителя Павло, уже находились Чернов и капитан Атласов.

– Заедем со стороны переулка, чтобы не видели машину и возьмем этого придурка тепленьким, – сказал Чернов, обращаясь ко всем сразу.

Капитан, заметив замешательство Дмитрия, разъяснил.

– На площади мужик, увешанный плакатами с непонятными иероглифами, проповедует и ведет подрывную работу среди людей, Все, что о нем нам сообщили довольно странно. Здесь одно из двух. Или он придурок, или иностранный шпион, помешанный на религии.

– Сначала проверим, присмотремся, – заговорил Чернов. – Может он не один. Тогда возьмем всех сразу. Стрелять в самых крайних случаях.

Валуев прошел сквозь толпу зевак и оказался в первом ряду. Мужик лет пятидесяти, с густой бородой и глубоко посаженными глазами, он потрясал кулаком в воздухе и кричал

что-то до боли знакомое Дмитрию. То ли из детства, то ли еще откуда-то. Плакаты болтались на груди и спине мужика, совершенно непонятные окружающим, но прекрасно понятые им. Они были написаны старорусском языке, давно вышедшем из употребления.

Минут через десять все закончилось. Арестованного отравили на Лубянку.

Когда ехали обратно, майор Чернов косо поглядывал на Дмитрия и молчал. Потом попросил зайти к нему в кабинет.

– Лейтенант, – без всякого вступления начал он. – У меня к тебе одна просьба. Все, что ты прочел на плакатах, должно остаться тайной для всех. Почему? Может, когда-нибудь открою тайну. И еще, если арестованного Рыбоедова переведут в наш изолятор, то прошу не выказывать никакой жалости. Это важно не только для тебя, но и для всех нас. Надеюсь, лейтенант, что вы никого не подведете. Идите.

Дмитрий вышел из кабинета с непонятными чувствами. Выбрали его из всего выпуска не случайно. К тому же память хранит некую информацию, пока что недоступную для полного понимания. Но что же не договаривает Чернов?

Валуев присутствовал на всех допросах Рыбоедова, вел протоколы. После последнего допроса майор подошел к Дмитрию.

– Чтобы спасти многих приходится жертвовать одним.

Война началась неожиданно. Старший лейтенант Валуев встретил ее на русско-немецкой границе, где он вместе с группой полковника Чернова выполнял особое, секретное задание. В четыре утра все вокруг превратилось в хаос. Земля, словно живая, вставала, взлетала, падала. Огонь, вспышки, грохот, крики и полнейшая неразбериха. Чернову удалось собрать почти всю свою группу, восемь человек из тринадцати.

– Павло, Атласов, Валуев, Зубов. Кровь из носа, но, чтобы весь архив, документы и находки были вывезены в надежное место. Насколько это важно понимаете сами. Атласов, майор, не подведи. Помнишь, Валуев, наш разговор в кабинете в тридцать седьмом? Так вот. Почти все наши руководители партии и государства придерживались древней веры, но открыто об этом не говорили. Сталин убрал всех хранителей веры и считает, что остался один, но ошибается. Нас – восемь, а он – лишь девятый. Я не знаю, кто выживет, только прошу помнить одно. Наша главная задача выжить и сохранить веру предков. Другой задачи нет. По крайней мере, для вас. Архив на вашей совести. На нашей – уничтожение следов раскопок и схоронение местного музея. Теперь давайте прощаться.

Дмитрий долго смотрел в заднее стекло на прощально поднявшего руку полковника Чернова и чувствовал, что видит его в последний раз.

Дорога была сильно изрыта взрывами. Время от времени

фашистские бомбардировщики пролетали над машиной тяжело и надрывно гудя.

– На восток идут, – Атласов сплюнул на пол автомобиля. – Где наши самолеты?

– Танки, майор! – вдруг закричал капитан Зубов. – Слева.

– Наши? – Атласов тоже глянул туда. – Немцы! Павло, давай в лес, пока не засекли.

Машина нырнула в кювет и под прикрытием небольшого холма укрылась в лесу.

– Валуев, глянь, куда идут и сколько их. Павло, посмотри дороги вокруг. Может какая-нибудь идет через лес. Так мы по ней и рванем. А мы с капитаном сложим самое ценное в шинель и брезент. Авось придется прятать.

Дмитрий осторожно добрался до ближайшего холма и осмотрелся. Танки прошли мимо, вдоль дороги, на восток. Сейчас параллельно им, поднимая пыль, двигались колонны грузовиков и солдат. Он вернулся назад. Сердце вдруг учащенно забилось и запрыгало. Что-то случилось. На бегу, передернув пистолет, подбежал и рванул дверцу. Атласов смотрел голубыми остекленевшими глазами куда-то вперед, а из перерезанного горла текла кровь, пропитав уже всю гимнастерку.

– Товарищ старший лейтенант, – Павло, увидев Атласова, попятился.

– Где Зубов?

– Не видел.

Дмитрий резко приподнял заднее сиденье.

– Так, нет золотой статуэтки Перуна, серебряного кинжала и папки раскопок. Может быть, что-то и по мелочи. Но это самое ценное. Павло, надо спрятать документы и похоронить майора. Помоги.

Машину пришлось бросить, Зубов слил бензин. Дмитрий прихватил с собой пистолет и документы Атласова, а также схему, по которой потом можно было бы найти архив.

– Куда мог пойти Зубов?

– Я думаю, товарищ старший лейтенант, на юг. Он видел, куда пошли мы, и естественно, пошел в противоположную сторону.

– Скорее всего, так. Эх, Зубов, Зубов.

Валуев и водитель пошли по следам капитана.

ВОСКРЕСШИЙ ИЗ МЕРТВЫХ

Снег сверкал под яркими лучами солнца, слепил глаза. Валуй продрог от сильного холода, но вдали послышался звон колоколов, и Дмитрий прищпорил коня.

Все в городе было так же, как несколько месяцев назад. Разве что снег побелил округу.

Дмитрий подъехал к высоким деревянным хоромам, неторопливо привязал коня и твердо ступая, поднялся по ступенькам. Стукнул в дверь и вошел, сдернув с себя шапку, бросив в угол шубу.

Навстречу вышла незнакомая девушка и спросила, что нужно.

– Хозяйка где?

– Она изволила отдохнуть и велено никого не принимать.

– Скажи, Валуй, вернулся, живой. Скажи.... Впрочем, только это.

– Но ведь...

– Это важнее. Она еще благодарить тебя будет.

Девушка ушла наверх, в терем.

Через некоторое время он услышал топот босых ног.

– Митя! Любый! Митя!

Анастасия в ночной рубашке, босиком и с растрепанными волосами бросилась в объятия Дмитрия.

– Я знала, что ты вернешься. Я ждала, – Настя плакала

и прижималась к груди Валуя. – Где же ты, любимый мой, пропал? Столько времени ни слова, ни весточки. Предслава, собери на стол. Данилка, истопи баньку. Гость дорогой приехал!

Они сидели за столом вдвоем и не могли насмотреться друг на друга.

– Знаешь, когда костромичи вернулись, то с ними был воин Владимира Серпуховского, звали его Гологоль. Он сказал, что его отец был знаком с моим дедом и отцом. И еще он сказал, что ты не такой воин, чтобы просто исчезнуть. Сказал, что ты рано или поздно вернешься, и что он это чувствует. Оставил свиток и уехал.

– Свиток?

– Предслава, принеси свиток Гологоля.

Девушка подала, что просили.

Дмитрий сломал печать и развернул лист.

«Путь, по которому ты идешь, тяжел и сложен. Не каждый готов и в силах его преодолеть. Ты тот, кого избрал сам Вышний. Тот, кому суждено пасть за веру русскую. Тот, кто никогда не сойдет с Пути ПрАви. Но тебе нужны знания. Найди меня в Москве. Витимир Гологоль».

– Прочти, – Дмитрий подал свиток Анастасии. – Когда лежал раненый, то дед волхв наговорил много необычного. Что-то похожее на это. До сих пор пытаюсь разобраться в его речах и не могу. Настя, ты не знаешь, как там мой отец?

Она вдруг уронила свиток.

– Я думала, ты знаешь, – прошептала Анастасия. – Они сгорели месяц назад. Только ваш дом и все. Словно кто-то поджег.

В голове Валуя потемнело. Кулаки сжались, челюсти заскрежетали.

– Вот значит, как, – после долгого молчания произнес он. – Кто управляет моими землями?

– Племянник твой – ВорОта.

– А почему не Андрей? Он ведь должен наследовать!

– ВорОта отобрал все и выгнал его. Хотел убить, но люди помешали.

– Где он сейчас? ВорОта?

– Вчера приехал в город. Сватается к Любаве.

– К Любаве? Как это? Она же невеста Андрея! Значит он у нее? Еду немедля.

Любава была дочерью обедневшего князя Гостослава, очень дальнего родственника новгородских князей. Об этом, наверно, помнили только они.

Валуи ворвался в дом Гостослава и, несмотря на противодействие челяди, ввалился в трапезную.

– Не ждал? – грозно сверкая очами, Дмитрий поднял за грудки прямо из-за стола, перепуганного и совершенно бледного ВорОту. – По что Андрея обидел? Богатства захотел? Так держи, от всей души даю!

Мощный удар опрокинул ВорОту вверх ногами, кровь брызнула во все стороны.

Гостослав и челядь все еще пытались унять Валуя, но они словно не замечали, отмахиваясь как от назойливых мух. Перепуганная Любава забилась в угол. Дмитрий схватил обмякшее тело племянника и тут же отпустил. Ворота были без сознания.

Валуй взял со стола кубок с вином и опрокинул содержимое в рот. Нашел глазами Любаву, подошел к ней.

– Не бойся. Насколько я помню, ты невеста Андрейкина. А по сему негоже устраивать здесь смотрины. Слышь, дед?

Гостослав упал на колени.

– Не губи, Дмитрий. Я виноват во всем. Настоял на этом. Не губи Любавушку.

Валуй вдруг враз утратил весь гнев.

– Встань, отец. Не подобает князю ползать на коленях. И тем более имея такую красавицу на выданье.

Дмитрий улыбнулся, и все напряжение вмиг спало.

– А ну, ребятки, тащите-ка этого отсюда. Здесь не место падали.

– Я достану тебя, Валуй, – утирая разбитое лицо рукавом, проскрежетал Ворота и уже в дверях крикнул. – Сожгу, как твоих родителей! Порезу на ремни! Из-под земли достану. Призраком буду ходить за тобой следом. Бойся, Валуй, остроты моего кинжала.

– Угроза от приемного сына моего брата не так страшна, как он здесь расписал. Гоните его.

Челядь тычками и пинками выкинула того из дома. Дмит-

рий обвел взглядом оставшихся.

– Отпишу Андрею. Как только прибудет, свадьбу сыграем. Нечего тянуть. Готовься, Любавушка.

И пошел, тяжело ступая и неся в душе боль от услышанного.

ПОЕДИНОК

Стояла ночь. Огромное небо с луной, похожей на блин, украшенное блестящими звездочками, словно нависло над Валуем, укрывая от непогоды и опасностей. Как он попал в чистое поле из города, как добирался, вряд ли сумеет припомнить. Но зато он прекрасно помнил данную местность. Шестьсот лет не так сильно изменили ландшафт.

Дмитрий разжег костер скорее по привычке, чем для надобности. Он совершенно не ощущал холода и голода. В нем горел огонь, который заменял ему все. Огонь веры. В просветлевшей голове проносились дни его жизни. Он видел то, что было когда-то, свое воплощение в том времени. Память открылась или видение, Дмитрию было не важно.

Утро пришло туманное, прохладное, очень похожее на то, сентябрьское, перед самой Кулиговой битвой. Только сейчас стоял июнь, начало лета.

Слегка прояснилось. Дмитрий, словно всю жизнь прожил здесь, двинулся в путь, безошибочно избрав верное направление. Недалеко от речушки лежал огромный валун с белыми прожилками в виде креста. Над ним вековой дуб с обширной кроной и раздвоенным стволом. Вокруг разные деревья и очень много молодой поросли.

Дмитрий остановился напротив дуба.

– Все стоишь? Сколько же тебе лет? Шестьсот лет назад ты

был маленький. Тонкий, гибкий прутик. А теперь – матерый, мудрый дубище. Спасибо, что выстоял. Я пришел за тем, что по праву принадлежит мне. Не хочется твоей смерти, но отдай, что должен отдать.

Он протянул к дубу руку и тот, вдруг, закрихтев, нехотя повалился набок. Под большим корневищем открылся высокий, обитый золотом сундук.

ВорОта подгонял своих спутников, все еще надеясь опередить Валуя. К полудню им удалось добраться до той самой речушки, к которой уже вышел Дмитрий.

– А вот и речка Тулка, – потирая руки, произнес ВорОта. – Крепитесь, молодцы, мы уже рядом. Готовьте карманы под драгоценности.

Через пару часов они вышли к валуну.

– Смотри! – вдруг крикнул худой и присел. – Там, на камне, сундук! Золотой! Ты смотри, как на солнце играет!

– Стой! – остановил его ВорОта, доставая пистолет. – Это ловушка. Кто-то нас опередил. И этот кто-то, здесь.

Худой снял с плеча охотничье ружье. Немой вынул обрез.

– Ну и где ты? – крикнул ВорОта так громко, что долгое эхо полетело по окрестностям.

– Бросай оружие, скажу.

– Ишь, ты, бросай. Мы бросим, а ты нас шмякнешь одного за другим, – заговорил Пискля. – Не пойдет.

Сухой выстрел потряс тишину. В ответ на него просвисте-

ла стрела и немой, с вытарашенными, налившимися кровью глазами, пытался вынуть ее из горла, судорожно хватая руками. Он упал сначала на колени, а затем завалился на спину.

Вторая стрела пробила грудь худому, войдя по самое оперение. Тот враз обмяк и, выронив ружье, пал вниз головой.

Ворота стал стрелять вокруг, пытаясь понять, откуда говорил дядя. Хладнокровие стало ему изменять. Когда кончились патроны, он с силой швырнул пистолет о валун.

– Ты нисколько не изменился, племянничек.

Ворота оглянулся на голос и увидел Валуя в полном рыцарском одеянии.

– Твои доспехи тебя ждут. Сразись как воин. И пусть Вышний рассудит нас на этой тропе мести. Только учти, я стою на Стезе ПрАви. Ты хотел драгоценностей, но здесь их нет. В сундуке я схоронил два одеяния воина для нашей встречи. Надеюсь, что последней.

Ворота не возражал. Он горел гневом и ненавистью, кровь закипала в жилах.

– Я готов выпустить тебе кишки наружу, дядя. Наконец-то мне представилась такая возможность.

Два тяжелых меча скрестились в воздухе, все в округе наполнилось звоном и скрежетом. Один из них должен умереть.

Трижды Валуя прижимал Вороту к камню и трижды тот уворачивался от последнего удара.

Навык к ратному делу не растерялся за сотни лет, а вот

сила в руках была далеко не та. Все чаще они стали промахиваться, отчего удары становились, непредсказуемы и оказывались губительными, если бы не отменная реакция обоих.

Валу́й, вдруг, запнулся, но чудом избежал отсечения головы. Глаза племянника сверкали адским огнем. Ненависть добавляла ему силы.

Дмитрий не сумел убрать плечо, как это получалось раньше, и более того, подставил голову. Меч сильно ударил по шлему, но не разрубил его, а соскочил, задев мимоходом левую руку. Кровь алыми струйками потекла по лицу Валуя.

– Это конец, дядя! – захохотал Ворота.

Обессиленный Дмитрий опустился на колени и сбросил с головы шлем.

– Никто твоей судьбы не отменял, – произнес он, с трудом поднимая меч и выставив прямо перед собой.

Ворота размахнулся, чтобы отсечь голову, но его меч неожиданно скользнул по валуну, подлетел вверх и прошел над головой Дмитрия. Потеряв устойчивость, племянник со всего маха напоролся на выставленный вперед меч Валуя.

– Нет, – прошептал он, выпуская изо рта сгустки крови. – Не так должно быть...

Он завалился набок с открытыми удивленными глазами и, прохрипев что-то напоследок, затих.

– Кончено, – Дмитрий взглянул на солнце. – Кончилась моя очередная битва. Я готов хранить веру предков. Это мой

долг. Это мой Путь. Моя Стезя ПрАви.

СТЕЗЯ

Домик Витимира расположился отдельно от остальных, на вершине небольшого холма, в окружении сосен. И своими размерами более походил на землянку, что и подтвердилось, когда Дмитрий ступил на порог.

– Добро пожаловать, князь, в мою сырую берлогу, – раздался ровный, без тени эмоций, знакомый голос.

Валуй взгляделся в противоположный угол, но горящая лучина не давала рассмотреть говорившего.

В землянке не было окон, пол земляной, стена слегка укреплена не струганными досками. В углу маленькая печь, напротив темный стол с лучиной и две скамьи. Это все убранство жилища.

– Присаживайся. Прости, что не встречаю на пороге. Прихворал. Ноги нейдут. Говорить сложно.

Дмитрий от увиденного немного растерялся.

Всклоченная борода и длинные, путанные волосы полностью скрывали лицо Витимира.

– Пришло время, Валуй, когда истина открывает свои великие тайны. Когда один путь приводит к началу другого, более высокого по духу и знаниям. Прежде, чем станешь воином высшего мира, ты придешь на землю еще два раза. Там, на Кулиговом, я был рядом, чтобы заглянуть в твою душу. Я знал, что с тобой что-то произойдет, но знал и то, что ты

встанешь на ноги. Твой путь – Стезя ПрАви. «Жизнь человеку дается как испытание. Мы должны избежать соблазнов, возвысить свою душу и служить людям. То есть жизнь нам дана, чтобы мы шли по Стезе ПрАви. А не помним мы прошлое по двум причинам: дабы не помнить прошлые грехи, и дабы не знать точно свой Путь, а искать его. Чтобы найти, нужно его почувствовать, то есть по сердцу, обращаясь к Вышнему в своем сердце. Но если мы будем отходить от сего Пути, то мы будем перерождаться в иных, более суровых мирах, предназначенных для нашего перевоспитания». Так сказал Кресень. Твой путь – путь воина. После смерти ты получишь тело на Земле, но уже как воин – хранитель. До нового воплощения ты проведешь время в воинстве Перуна, на его Звезде. Лишь потом, через много лет, ступишь снова на Землю. Ты – воин Веры. Возьми оберег. На нем ель – священное дерево Велеса и молот Перуна. Мы верим в тебя. Ты поступил благородно, отдав все свои земли Андрею. Твоя беда в том, что не можешь заглянуть внутрь души. Поэтому ты потерял Анастасию. Ворота не тратил время и от Гостослава побывал у нее. Ты опоздал совсем на немного. Впрочем, ты это знаешь. Увидеть милую и, оставив всего на чуть-чуть, потерять от руки врага, которого ты выгнал из дома Гостослава. Но вы с ней еще встретитесь. Еще я хотел поведать о мести. Я знаю, что творится в твоей душе и в сердце. Только теперь, после начала обновленного пути, ты можешь дать ей высказаться лишь в равном и честном поедин-

ке. В поединке ПрАви.

Он замолчал, словно заснул, а может, давал возможность Дмитрию прочувствовать свои слова, потом закашлялся и тихо прошептал.

– Ворота объявится в следующей или последующей жизни обязательно, если только в этой его не убьешь один на один. Я сказал все. Теперь найди деда Микулу, того самого, с которым ты уже встречался, будучи раненым. Его ведические знания станут твоими. А теперь, прощай, княже, не увидимся боле.

– Прощай, Витимир.

– Ступай.

Дмитрий хотел еще что-то сказать, но передумал и полуоглянувшись, быстрым шагом вышел из землянки.

Река искрилась в нежных ладонях солнца, слегка плескалась, играла и разбрасывала вокруг яркие, веселые блики. Тишина звенела под голубым парусом небес, а ковыль, причесанный слабеньким южным ветром, словно вспоминал минувшие битвы, поникнув косматой головой.

Дмитрий полулежал на берегу реки и, подставив солнцу обветренное лицо, сладко щурился, лениво жевал соломинку. Философия жизни открывалась ему во всех своих многогранностях и тонкостях. Благодаря деду Микуле, он научился видеть в людях фальшь, лесть, страх и многое другое. Как бы видеть его изнутри. Заглядывать в будущее и про-

шное. Ведь теперь он был особым воином, которых на земле считанные единицы. Воином – хранителем веры.

Он резко обернулся, чувствуя недалеко за спиной, знакомые шаги. Эта мягкая, плывущая походка переворачивала его всего и заставляла забыть обо всем на свете. Дмитрий вмиг преображался, начинал сам, как солнце, рассыпать вокруг лучи любви и доброты. Мощная энергетика, излучаемая им, заставляла все цвести и благоухать. Настолько сильными оказались чувства к крестьянской девушке Анюте. Все это имело место и сейчас.

Счастье переполняло их сердца.

Дед Микула каждый раз повторял Валую, что воин-хранитель обязан иметь потомство. А затем, хитро щуря глаз, добавлял, что Анюта сумела бы управиться и с десятком детей.

Вначале, Дмитрий только слушал его слова, убитый гибелью Насти. Но потом, со временем, он все чаще видел ее в образе Анюты. И пусть они совершенно были не похожи друг на друга, но сердце любило обеих, каждую по-своему. Но все же из двух образов в течение времени, стал рисоваться только один.

– Митрий, дед Микула хочет тебя видеть прямо сейчас. Сказал, что это очень важно и особенно для тебя.

– Иду, Анюта, – он встал, поцеловал ее и приобняв, увлек за собой.

Валуй вошел в чисто прибранную комнату. Дед Микула лежал на деревянной скамье, укрытый овчинными тулупами.

Сморщенное, пожелтевшее лицо, окаймленное большой пу-
таной бородой, с трудом повернулось в сторону вошедшего.

– Подойди, – прошептал он.

Дмитрий опустился на колени у постели больного.

– Ты давно вырос. Твой дух стал крепок, как и твоё тело,
мысли чисты и праведны. Мне больше нечему тебя учить.
Там, в углу, на скамье, дощечки. Это «Книга Велеса», дея-
ния наших предков, рядом золотой идол Перуна. Это твоё
отныне. Я получил это от своего учителя и передаю учени-
ку. Так было и так будет вовеки веков. А теперь, ступай Сте-
зей ПрАви, и помни о своём великом народе и его истинной,
праведной вере.

Двоякие чувства обуревали душу воина. Боль утрат
нескончаемой чередой тянулась за ним. И если бы не твер-
дая вера в будущее, подаренная сразу несколькими людьми,
то обстоятельства давно раздавили бы его.

Дмитрий стоял на пороге, сжимая в руках золотого идола
и дощечки книги, и видел где-то вдали костры, пожарища,
чёрный дым, перемешанный с человеческой кровью и голу-
бые глаза бесконечности...

ОХОТНИКИ ЗА УДАЧЕЙ

Дмитрий очнулся от легких прикосновений чьих-то прохладных, нежных рук и от капелек ледящей воды, стекавшей с лица под кольчугу.

Он открыл глаза и тупо, непонимающе стал смотреть в знакомое лицо незнакомой девушки. Его сознание в один момент оказалось загруженным массой различных событий, всплывающих целыми пластами. Битвы и поединки сменяли люди и образы, на смену которых вновь приходили войны и сражения. И вдруг, вспышка! Ночь, дорога, словно покрытая лаком столешница, и девушка в обгоревшем пуховике.

– Я вас знаю, – прошептал он. – Вы, та самая.

– Я не сомневалась, что Валуй меня узнает.

– Настя! Анастасия! – вскричал он и попытался подняться, но тут же острая боль в груди откинула назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.